

И.Б. Ничипоров (Москва, Россия)

**«Цинковые мальчики» и «чернобыльский человек»
в документально-художественной антропологии Светланы Алексиевич**

Аннотация: В статье рассмотрено антропологическое содержание документально-художественных книг С. Алексиевич «Цинковые мальчики» (1989) и «Чернобыльская молитва» (1986–2005). «Цинковые мальчики» и «чернобыльский человек» представлены как симптоматичные социально-психологические явления современности, вышедшие далеко за пределы породивших их исторических обстоятельств.

Ключевые слова: Афганистан, Чернобыль, Алексиевич, антропология в литературе, документ

I.B. Nichiporov (Moscow, Russia)

**“Zinc Boys” and “Chernobyl Man”
in Svetlana Alexievich’s Documentary-Artistic Anthropology**

Abstract: The article considers the anthropological content of the documentary and artistic books by Svetlana Alexievich “Zinc boys” (1989) and “Chernobyl prayer” (1986–2005). “Zinc boys” and “Chernobyl man” are presented in the work as symptomatic socio-psychological phenomena of our time, spread far beyond the historical circumstances risen by them.

Key words: Afghanistan, Chernobyl, Alexievich, anthropology in literature, document

Документально-художественная проза Светланы Алексиевич основана на разноголосых, годами собиравшихся ею свидетельствах о вехах исторического пути середины и второй половины XX в. – от войны до Афганистана, Чернобыля и постсоветских ментальных и общественно-политических трансформаций.

В Нобелевской речи (2015)¹ она вспоминала о своем пребывании в Кабуле в 1989 г., о многочисленных диалогах с участниками той войны. В книге «Цинковые мальчики» (1989)² смысловыми и речевыми центрами выступают авторские рефлексии; развернутые свидетельства непосредственных участников событий –

¹ Алексиевич С. О проигранной битве: нобелевская лекция Светланы Алексиевич: arzamas.academy/mag/212-aleksievitch (дата обращения: 18.11.2020).

² Алексиевич С. Цинковые мальчики: lib.ru/NEWPROZA/ALEKSIEWICH/aleksiewich.txt (дата обращения: 18.11.2020).

солдат, офицеров, медсестер; пронизывающие повествование голоса солдатских жен и матерей, а также разнообразные отклики на сам этот текст, становящийся своего рода «трагической симфонией»¹.

Реальность «на войне и после войны» получает у Алексиевич многомерное документальное и эстетическое воплощение в голосах собеседников-очевидцев. Они с хронометрической точностью запечатлевают граничащие со своей и чужой смертью передвижения по горным дорогам Афганистана, «мимо убитых кишлаков, похожих на перепаханное поле», с натуралистической беспощадностью описывают, «как разлетается человеческий череп», с какой «ненавистью выпускаешь первую очередь», как, стоя на коленях, молодая афганка кричала над убитым ребенком, как «в холодильник привезли новых убитых. Как будто несвежим кабаном пахнет»... В калейдоскопе диалогов, в противовес традициям монументальной баталистики, повествователь целенаправленно «уменьшает историю до человека», вглядывается в спонтанные проявления «агрессивной наивности» вчерашних десятиклассников, обманутых политизированной риторикой и обреченных молодыми лечь в цинковый гроб в «старой военной форме сороковых годов».

В эмоционально насыщенных и в то же время аналитически емких монологах и репликах стрелков, гранатометчиков, разведчиков, операторов-наводчиков, танкистов, армейских водителей, военных советников, командиров горнострелковой роты, санинструкторов передаются загадочные черты восточной ментальности, особенности местного ландшафта и во многих подробностях прорисованы шокирующие сцены боев, внезапных подрывов и обстрелов, ножевых ударов в спину от десятилетних афганских детей, смертельные угрозы от «мирных» стариков с осликами. Экспрессивное изображение телесной разъятости, когда «отдельно голова, отдельно руки», а при операции «вынули полтора кубических сантиметра мозга», когда чудом удавалось «прийти в себя на шестнадцатый день после подрыва», а лучших друзей нередко приходилось по частям собирать «в целлофановый мешок», – доносит психологическое состояние зачастую обманом отправленных в Афганистан солдат, которым «не сказали правду, какая это война... приготовили водку... в самолет нас грузили, как ящики».

Неясные цели войны, уклончивые начальственные напутствия, размытый образ врага, изрядно обесмысленный тем, что «и душманы Высоцкого крутили... они смотрели в горах наши фильмы... учились у нас воевать с нами», даже командира батальона приводили к непониманию того, «с кем мне драться», а в солдатской среде обостряли разрушительные процессы, заставлявшие впоследствии ужасаться тому, «чтобы свои так издевались над своими». В изображении Алексиевич многие из бойцов проделали безотрадный путь от юношеской прельщенности войной, эйфории от афганского «братства» до крушения иллюзий, мучительного самоощущения в качестве беспомощного заложника государственной системы, «раба Министерства обороны», до признания того, что «оттуда нельзя вернуться героем». Потрясение одного из рассказчиков тем, что в Москве 1983 г. «вели себя так, как будто нас там не было», иллюстрирует общее для многих афганцев и по-разному ими осознаваемое стремление вернуть себе обычный гражданский статус «стороннего наблюдателя», частного, хотя бы относительно свободного от государства человека.

¹ *Аннинский Л.А.* Оглянуться в слезах. Божье и человечье в апокалипсисах Светланы Алексиевич: alexievich.info/wp-content/uploads/Anninsky.pdf (дата обращения: 18.11.2020).

Мужественная решимость «вернуться домой – все переделать в своей жизни» оборачивается для многих персонажей выпадением из круга семейных, супружеских привязанностей, где теперь «мы лишние, неудобные»: «Я понял: дома мы не нужны. Не нужно то, что мы пережили... Сразу после Афгана работал слесарем по ремонту автомобилей, инструктором в райкоме комсомола. Ушел. Везде болото. Люди заняты заработками, дачами, машинами, копченой колбасой. До нас никому нет дела. Если бы мы сами не защищали свои права, то это была бы неизвестная война. Если бы нас не было так много, сотни тысяч, нас замолчали бы, как замолчали в свое время Вьетнам, Египет... Там мы все вместе ненавидели “духов”. Кого же мне сейчас ненавидеть, чтобы у меня были друзья?» Комплекс агрессии со стороны участников и жертв войны, которая, «нам говорили, справедливая», по отношению к неволевавшим согражданам, привыкшим к телевизионной картинке «братания советских и афганских солдат», их непримиримая уверенность, что «мы умирали там, а они по телевизору эту войну смотрели», – исследуются в произведении как значительная психологическая проблема и симптом общественного раскола, усугубляемого медийной ангажированностью.

Деадаптирующее воздействие афганской травмы простирается, по признаниям рассказчиков, и на сферу их бессознательных, бытовых, психофизических проявлений, вынуждая бояться ходить по траве, с содроганием видеть «большое море людей» и себя – заживо положенным в гроб, «свои довоенные джинсы и рубашки не смог носить... иногда я не помню своей фамилии»... Переживаемый ими синдром длящейся и заведомо проигранной войны умножает их зоркость к центробежным процессам в обществе, ведущим к распаду государства: «Войну проиграли... Страна развалилась...» В рассказе сержанта, бойца спецназа, в бытовом эпизоде посещения зубного врача единичная жестовая деталь вырастает в едва ли не притчевую историю о судьбе обожженного Афганистаном поколения и неблагоприятном социальном климате в рушащейся империи: «Недавно был у зубного врача... Приехали мы все с цингой, пародонтозом. Сколько хлорки съели? Один выдернули мне зуб, второй... И от боли в шоке (заморозка не взяла) я вдруг заговорил... А женщина-врач смотрит на меня почти с отвращением, у нее на лице все ее чувства. Мол, полный рот крови, а он еще говорит. Я понял, что все о нас вот так и думают: полный рот крови, а они еще говорят... Ищут какие-то слова...»

Давшая название одной из лучших книг Алексиевич интуиция о том, что «у войны не женское лицо», преломляется и в афганской теме, где собирательный образ «цинкового мальчика» как жертвы государственных авантур предстает в материнском восприятии. Повторившаяся во многих семьях ситуация «возвращения» мужей и сыновей в запаянных цинковых гробах передается в травмирующих подробностях и расценивается в произведении как не только личное горе отдельных людей, но и веское основание общественного противления господствующей пропаганде, спекулирующей «героизмом» и «щедро» воздающей «живым – орден, мертвым – легенды». Материнская убежденность в том, что «мы после войны воюем», звучит у Алексиевич как обнадеживающее свидетельство о нравственно необходимом и неуничтожимом до конца гражданском чувстве.

«Цинковые мальчики» С. Алексиевич – это многоплановое документально-художественное единство, заключающее «рефлексию» текста о человеческих историях и самом себе и основанное на пересечениях и рифмовках афганских и послевоенных эпизодов, частных свидетельств, авторских прозрений и красноречивых примет последнего советского десятилетия. Сопрягая судьбы своих персонажей с

коллизиями эпохи, автор в качестве болевого центра недавнего прошлого и современности осмысляет неослабевающее, лишь меняющее внешние формы наступление государства на пространство личного бытия.

«Чернобыльская молитва (хроника будущего)» (1986–2005)¹ представляет образное и аналитическое исследование болевых сторон индивидуального и коллективного опыта конца столетия, созданное с опорой на впечатления от пребывания в чернобыльской зоне отчуждения и общения со многими участниками и жертвами аварии. В понимании автора «чернобыльские» люди – это не только непосредственные жертвы аварии и их близкие, ликвидаторы, явившие «культуру» подвига и жертвы, не только живущие в коттеджах-«вольерах» переселенцы, которые пребывают в состоянии внутренней несвободы, «в обиде и в страхе», «тоскуют по сталинскому порядку», и даже не только беспечные туристы, в погоне за новыми впечатлениями приезжающие в «ядерную Мекку», но и все наследники и невольные носители этого катастрофического опыта, с которого берет начало «хроника будущего».

В сопоставлении с произведениями Алексиевич о войне, в «Чернобыльской молитве», наряду с голосами персонажей, более развернутое воплощение получили авторские раздумья о высвеченных этим взрывом трагических парадоксах истории. Художнику-летописцу современности Чернобыль видится пока не осмысленной общественным сознанием «пропущенной историей», «непрочтенным знаком», «прыжком в новую реальность», ситуацией, когда «прошлое вдруг оказалось беспомощным». По признанию автора, при встречах с бывшими работниками станции, с теми, «у кого Чернобыль – основное содержание их мира», она вступала в собеседничество с «этим потрясенным человеком» – «мы думали вместе», пыталась не в заданных определениях, а в вопросительной модальности уяснить ментальные черты «героев новой истории»: «герои или самоубийцы?», «жертвы советских идей и воспитания?». Распознавание в Чернобыле «картины войны», того, как «ушел под воду гигантский социалистический материк», а «земля оказалась такая маленькая», – наполняется метафизическими интуициями о том, что «живем в обанкротившемся пространстве», присутствуем при низведении человека до «объекта, подлежащего дезактивации», входим в «непрозрачный мир, где зло не дает никаких объяснений, не раскрывает себя и не знает законов», вследствие чего жизненно важным представляется «рассказать историю таким образом, чтобы не потерять из виду судьбу... Одного человека...»

Центральным в произведении Алексиевич стал многоликий образ «свидетеля» истории, попавшего в «ситуацию расчеловечивания мира»; жителя Припяти, в одночасье проделавшего путь от «маленького» к «чернобыльскому» человеку и мучительно осознающего, что «потеряли не город, а целую жизнь». В сменяющих друг друга индивидуальных и коллективных «монологих» прорисован городской «текст» Припяти, с характерными приметами повседневности, доходящими до эпохальных обобщений. Так, одному из жителей спешно оставляемого города важнее всего оказывается вывезти из дома дверь, на которую в прошлом, по местной традиции, положили его умершего отца и которая теперь остается вещественным знаком верности себе в условиях, когда «от Чернобыля» он потерял дочь, а «от нас хотят, чтобы мы молчали». В серии доносящихся из Гомельской области «монологих» слышатся голоса оставленных в радиоактивной зоне и оцепленных

¹ Алексиевич С. Чернобыльская молитва (хроника будущего): lib.ru/NEWPROZA/ALEKSIEWICH/chernobyl.txt (дата обращения: 18.11.2020).

солдатами жителей, которые испытывают отчуждение от государства и всего мироздания, спонтанно мифологизируют само явление радиации и, в противовес официальной пропаганде, переводят разговор о случившемся в неформальный нарратив «сказки с присказкой», анекдота и черного юмора.

В «Солдатском хоре» и иных высказываниях звучат голоса ликвидаторов аварии, часто вслепую доставлявшихся в «запретную зону», чтобы им уподобиться «биороботу», с простой лопатой подниматься на крышу реактора, становиться невольными созерцателями обезлюдевшего пространства с лозунгами и памятниками, случайными читателями чужих записок в покинутых домах. Проникнутая горькой иронией «молитва ликвидатора» («Господи, если ты сделал так, что я не могу, то сделай так, чтобы я не хотел»), их описания того, как «стояли заслонами вблизи дорог», «плакали по отравленной земле», воспринимали себя кем-то «вроде директора зоны апокалипсиса», насыщены колоритом устной речи «чернобыльского» человека, обреченного безвременно попасть на Митинское кладбище и быть похороненным «как пришелец из космоса». Некоторые из них, прошедшие Афганистан, с горечью припоминают, как «героический порыв... внушался еще со школы», а сегодня улавливают разительный диссонанс между тем, как «швыряли нас туда, как песок на реактор», как беспощадно открывалось, что «наше прошлое – наша большая страна», – и тем, как в «газетах трубили про наш героизм». По их выстраданным наблюдениям, в отличие от угроз афганской войны Чернобыль «убьет именно тогда, когда ты дома». Характер символического обобщения о национальной катастрофе приобретает финал одной из семейных историй ликвидатора: «Возвратились домой. Все с себя снял, всю одежду, в которой там был, и выбросил в мусоропровод. А пилотку подарил маленькому сыну. Очень он просил. Носил, не снимая. Через два года ему поставили диагноз: опухоль мозга... Дальше допишите сами... Я не хочу дальше говорить...»

Вникая в динамику «околочернобыльского» дискурса, автор подхватывает наблюдения своих собеседников над тем, как в разгар, казалось бы, «перестроечного» времени «мгновенно воскресла забытая сталинская лексика», а «любая неофициальная информация воспринимается как чужая идеология». В повествовательное пространство включается доподлинно воспроизведенный экспрессивный «монолог защитника советской власти», искренне тоскующего по «железной руке» и пронизательно усматривающего в Чернобыле близкое предвестие распада государства.

По оценке Л. Аннинского, «Чернобыльская молитва» «из всех повестей Алексиевич наиболее совершенна в музыкальном, гармоническом отношении», в композиции произведения искусно совмещены «связные монологи» и «нарезы дробящихся голосов»¹. В картине мира, запечатленной прямой речью от первого лица, в поляризованных свидетельствах о переломном времени автору удалось соединить далекие смысловые и изобразительные планы, донести «предельную откровенность реально существующих людей». Чернобыльская катастрофа увиденна в деформациях природно-предметного мира, где «исчезли воробьи», «пропали майские жуки», а родную «деревню закопали»; в надломленных частных и семейных судьбах; в травмированности очевидцев и ликвидаторов аварии; в зеркале народной апокалиптики, частушек и анекдотов – и вместе с тем в серьезном анализе «технологической версии конца света», неизжитых «рефлексивных изгулаговской эпохи».

¹ Аннинский Л.А. Оглянуться в слезах. Божье и человечье в апокалипсисах Светланы Алексиевич.

Ценность развернутых в произведениях Алексиевич художественно-документальных диспутов об Афганистане, Чернобыле, современности заключена в противостоянии этого многоголосья как монологическому, так и массово-обывательскому сознанию, в исследовании общественной жизни сквозь призму антропологической проблематики, в преодолении «страха будущего»: «Прочность человека – одна из главных проблем современной философии. За что удержаться духу»¹.

ЛИТЕРАТУРА

Алексиевич С. О проигранной битве: нобелевская лекция Светланы Алексиевич: arzamas.academy/mag/212-aleksievitch (дата обращения: 18.11.2020).

Алексиевич С. Цинковые мальчики: lib.ru/NEWPROZA/ALEKSIEWICH/aleksiewich.txt (дата обращения: 18.11.2020).

Алексиевич С. Чернобыльская молитва (хроника будущего) // URL: <http://lib.ru/NEWPROZA/ALEKSIEWICH/chernobyl.txt> (дата обращения: 18.11.2020).

Алексиевич С. Непрозрачный мир: magazines.gorky.media/druzhba/2004/6/neproзраchnyj-mir.html (дата обращения: 18.11.2020).

Аннинский Л.А. Оглянуться в слезах. Божье и человечье в апокалипсисах Светланы Алексиевич: alexievich.info/wp-content/uploads/Anninsky.pdf (дата обращения: 18.11.2020).

REFERENCES

Alexievich S. On Losing the Battle: The Nobel Lecture by Svetlana Alexievich: arzamas.academy/mag/212-aleksievitch (date accessed: 11.05.2020).

Aleksievich S. Zinc Boys: lib.ru/NEWPROZA/ALEKSIEWICH/aleksiewich.txt (date accessed: 02.09.2020).

Alexievich S. Chernobyl Prayer (the chronicle of the future): lib.ru/NEWPROZA/ALEKSIEWICH/chernobyl.txt (date accessed: 03.04.2020).

Aleksievich S. The Opaque World: magazines.gorky.media/druzhba/2004/6/neproзраchnyj-mir.html (date accessed: 03.04.2020).

Anninsky L.A. Look Back in Tears. God and Man in the Apocalypses of Svetlana Alexievich: alexievich.info/wp-content/uploads/Anninsky.pdf (date accessed: 02.09.2020).

Сведения об авторе:

Илья Борисович Ничипоров,
доктор филол. наук
профессор
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Iliia B. Nichiporov,
Doctor of Philology
Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
il-boris@yandex.ru

¹ *Алексиевич С.* Непрозрачный мир: magazines.gorky.media/druzhba/2004/6/neproзраchnyj-mir.html (дата обращения: 18.11.2020).